

Юлий Анатольевич Шрейдер
Евангелие — учебник реалистического
отношения к жизни

Тема этого сообщения всегда была особенно значима для меня лично, для моего опыта жизни в Церкви, жизни в общении с другими христианами, и она связана вот с чем. Мне приходилось себе и другим людям задавать вопрос: «Что для вас самое главное в христианстве?» Самый правильный ответ, конечно, — тот, который дал Фома Аквинский: Иисус Христос — самое важное. Такой же ответ дал старец Иоанн в «Трех разговорах» Соловьева. Но если мы поставим вопрос иначе: «А что для твоей ориентации в мире самое важное?» — то вот тут часто происходит сбой. Люди пытаются сказать, что для них очень важно некоторое сопричастие чему-то очень высокому. Происходит характерная ошибка: христианство рассматривается как что-то высокое, как путь к духовному поднятию себя и отвержению простых забот мира сего. Мне кажется, в таком понимании коренится одна большая опасность. Я убежден, что в христианстве очень важна его абсолютная реалистичность. Ничего более реалистического человечество не придумало. То, как христианство учит жить, — это самый реалистический, самый правильный, эффективный (не побоюсь такого слова) способ жизни. И тут возникает такое противоречие: когда мы начинаем читать Евангелие как проповедь Иисуса, то первое впечатление — я думаю, что не у меня одного, у многих, — это ощущение непосильности, невыполнимости того, что от нас требуется. Когда мы читаем Нагорную проповедь, то кажется, что это выполнить не по силам человеческим, это для каких-то святых людей сказано, а не для меня. Простите, я говорю неправильно, я говорю не о том, как на самом деле следовало бы думать, а о том, как очень часто мы думаем, — о таком аспекте восприятия Евангелия, который, мне кажется, есть, по крайней мере, у очень многих обычных людей. Я сейчас обращаюсь не к святым подвижникам, а к средним людям, которые читают Евангелие, пытаются как-то жить по Евангелию, как-то к этому относиться, не выходя, по возможности, за пределы того, чему учит христианство. Возникает даже ощущение, что все это как бы невыполнимо, как бы не для нас, а для особых людей. Дай Бог все это выполнять хотя бы в малой мере.

Однако, если обратить внимание не только на проповедь, но и на реальные действия Христа, на поведение Христа, то мы обнаружим, насколько оно реалистично с самой что ни на есть практической точки зрения. Когда начинаешь осмыслять, что же Он фактически сделал в этот момент, то окажется, что Он сделал нечто такое, что ни один самый умный человек не предложит лучшего варианта. Давайте вспомним историю с грешницей, которую должны были побить камнями. Ведь ситуация почти невозможная. Что должен был сказать Иисус? Что может сказать любой человек на Его месте? Исполняйте Закон? По закону надо побить камнями. Не исполняйте Закон? Тоже, понимаете, вещь чудовищная с точки зрения нашего восприятия жизни. Мы знаем, что сделал Иисус Христос. Это был исключительно мудрый и практически эффективный шаг. Он не скомпрометировал Закон, Он не выступил против Закона и не погрешил против Закона Любви. В сущности, Он спас эту женщину не только от мучительной смерти — Он спас ее от смерти духовной. Я думаю, в этой ситуации слова «иди и больше не греши» — это прощение, которое спасло

ее для жизни вечной, в этом можно быть практически уверенным. Что же это за мудрость практической жизни?

Если мы дальше пойдем по примерам, рассыпанным в Евангелиях, мы все больше будем убеждаться, что в действиях Иисуса просто бросается в глаза живой, практический ум. Конечно, этот живой, практический ум — это не хитрость житейская. Вы понимаете, что здесь нет речи о том, как человек умеет перехитрить обстоятельства (обычно потом он падает жертвой этих обстоятельств). Такая попытка перехитрить, перескочить препятствия, сделать нечто выгодное для себя — это, на самом деле, не признак практического ума, это признак, в качестве эвфемизма скажу, хитроумия. Так вот у Иисуса, конечно, не это, у Него — мудрость, но мудрость величайшая, и смысл ее открывается прямо здесь и теперь.

Я как-то специально тщательно просматривал все чудеса Иисуса Христа. Мне было интересно. Дело в том, что чудо — это вещь соблазнительная. У человека, который начинает идти вглубь содержания Евангелий, с каждым чудом связан какой-то вопрос. Зачем это чудо? Что оно значит? Вспомним чудо, которое совершил Будда. Здесь это противопоставление очень важно. Помните, когда он явился к своему отцу, по рассказу, он поднялся над землей на высоту половины человеческого роста и у него, кажется, из левого бока или правого начал бить огненный столп. Замечательное чудо, которое, по-видимому, действительно родителей убедило, что их сын достиг чего-то высокого на своем духовном пути. Можете себе представить, что подобное чудо совершает Иисус Христос? Это же абсолютно невозможно! Иисус Христос не совершал ни одного демонстрационного чуда. Одно, можно сказать, это Преображение на горе (Мф. 17:1-9), но обратите внимание, что оно было совершено как бы в тайне, для трех учеников, которым Иисус запретил до Воскресения об этом сказывать. Надо было оставить уверенность ближайшим ученикам. Оно тоже прагматическое. Надо было укрепить веру, и кого Он взял? Петра, Иоанна, любимого ученика, и его брата, т.е. Он взял тех троих, кому наиболее важно было оставить свидетельство. Здесь не было толпы народа, здесь не было общего ажиотажа. Просто показал ученикам нечто, причем показал так, что они вполне могли представить, что это им почудилось. Здесь возможны варианты такого полускепсиса. Они оставляются, потому что чудо не должно быть абсолютно однозначным. И можно себе представить, что у учеников могло сложиться впечатление, что, может быть, им только хотелось это увидеть — увидеть Христа в славе здесь на земле.

Но все остальные чудеса — это чудеса, каждое из которых имело конкретный практический смысл. Вспомните чудо в Кане Галилейской, первое чудо Христа. Иисус вообще не хотел ничего делать. Он ответил Матери: «Что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой» (Ин. 2:4). Казалось бы, нет необходимости этого чуда. Он совершает его, исполняя волю Матери, но и Она делает замечательную вещь. Она говорит окружающим: «Сделайте, как Он велит». Это начинается Ее проповедь: поступайте так, как велит Бог. Слова эти имеют прикровенный смысл, что самое главное — не вино получить, не благо какое-то получить, а поступить по воле Божьей. Это можно найти и в Ветхом Завете (1 Царств. 15:22), когда Самуил приходит к Саулу и попрекает его за то, что он не уничтожил все имущество амаликитян, а тот говорит, что оставил необходимое для жертвоприношения. «Ты что же думаешь, что послушание Богу менее важно, чем жертва?» Здесь имеется общий богословский элемент, единый для этого ветхозаветного эпизода и чуда в Кане Галилейской. Послушание — вот что важнее всего. Т.е. это чудо сразу приобретает еще и смысл учительный.

Или, например, чудо умножения хлебов. Я вспоминаю, как это чудо повторилось в сильно уменьшенном плане на моих глазах. Это было в Библейском обществе году в девяносто втором, когда с едой было как-то не очень, все были немножко голодноватые, во всяком случае, чего-то не хватало. У меня был пакет пряников,

который я купил по дороге и принес туда, даже не будучи очень уверен, что это пойдет на общее чаепитие. Этот пакет пряников я оставил где-то там на шкафчике. Через некоторое время прихожу в комнату, и отец Георгий Чистяков говорит: «Господь дал нам опять чудо умножения хлебов. Появились пряники, которых мы не ожидали». В прямом смысле эти пряники не возникли из ничего, но ведь чудо-то было, они появились в тот момент, когда они были очень нужны тем людям, которые собрались, ну а я был, может быть, орудием Божиим в тот момент, когда на заседание правления принес пакетик пряников. Сразу же возникает вопрос, в чем же дело в Евангельском чуде с умножением хлебов. Разве дело в том, что неизвестно откуда появились рыбы и хлебы? Это было бы магическое чудо, это неинтересно. Чудо было в том, что Иисус нашел, чем накормить людей, когда их надо было накормить, потому что им надо было слушать проповедь, а голодные они не стали бы слушать, они не смогли бы слышать. Давайте я допущу легкое кощунство, да простит меня Господь. Представьте себе, что это чудо происходило так: Иисус заранее кого-то попросил, позаботился о том, чтобы принесли еще хлеба и рыбы, зная, что надо будет накормить людей. Эти припасы где-то там лежали, и когда Он велел ученикам раздать еду, то Он знал, что припасены еще корзины с едой. Разве это сделало бы чудо ничем? Разве все развалилось бы, если бы мы нашли такую естественную причину? Ведь чудо, как говорит Льюис, это не нарушение естественных законов, это вмешательство Божественной воли в естественные законы. Так что же, будем ли мы указывать Богу, каким образом Его Божественная воля имеет право вмешиваться в текущий ход событий? Простите, это не наше дело. Поэтому, даже если все было так, как я позволил себе предположить, то суть чуда осталась бы. Я специально позволяю себе такую мысленную конструкцию, чтобы показать, что здесь дело не в том, что происходит что-то вопреки законам природы, а в том, что происходит нечто по Божьей воле, что гораздо важнее, и Божья воля направлена каждый раз на достижение определенного результата для людей.

Возьмем еще один пример — известную историю о богатом юноше (Мф. 19:16-22). Она многих смущает тем, что Иисус потребовал от богатого юноши чего-то такого, чего тот не смог сделать, и мало кто смог бы. Ведь вы помните, что, когда Он встречает Закхея — богатого человека, который объявляет, что он отдаст половину всего состояния неимущим, — то Иисус вполне удовлетворяется этим. Этот человек явно получает благословение Иисуса, как праведник (Лк. 10:8-9). А почему Иисус столько хотел от богатого юноши? Давайте читать внимательно: «И вот, некто подошел сказал Ему: Учитель Благой! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь меня Благой? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие?» Иисус указывает заповеди, т.е. Иисус не требует от него ничего большего, чем требует закон Ветхого Завета, ведь даже заповедь любви тоже есть в Ветхом Завете. Иисус только объединил, поставил рядом заповедь любви к Богу и к ближнему, а значит, казалось бы, Он не потребовал ничего большего, чем тот юноша должен был выполнять независимо от того, что ему скажет Иисус. Ничего больше Иисус не требует. Но тому мало. Юноша говорит: «Все это я сохранил от юности моей; чего еще недостает мне?» Он хочет гарантии. Обратите внимание: он хочет от Иисуса того, чего человек не имеет права хотеть, — гарантии вечной жизни. Только что у нас был разговор по поводу воображения. Некий человек, который ранее задавал вопрос Владыке, спросил у меня: «А как же с воображением? Как же отличить прелесть от подлинного воображения, когда мы воображением познаем? Иначе говоря, от познающего воображения, в том смысле, в котором Вышеславцев говорит о воображении?» И я мог ему ответить только одно: «Если бы я знал правило, как отличить прелесть от истинного знания, тогда бы многие проблемы были решены». В том-то и дело, что каждый раз мы обязаны отвечать здесь и сейчас, что это: прелесть или мы что-то видим реальное в своем воображении. Это каждый раз надо решать здесь и теперь. А юноша захотел решить проблему раз и навсегда вперед. Вот почему Иисус говорит: тогда отдай все и следуй за Мною, у

тебя другого пути нет уже. Если хочешь гарантий, не отходи от Меня: вот ты идешь рядом с Богом — уже не удаляйся. Бог здесь, с тобой, так не уходи же! Отдай все имущество. На максимализм запросов Иисус отвечает максимализмом требований. Но именно это оказалось невозможным для юноши. Обратите внимание, здесь не жесткость Иисуса, а абсолютная практичность. Либо ты готов поверить, что, исполняя заповеди, ты идешь по этому пути, либо ты хочешь гарантии, чтобы тебе сейчас сказали, получишь ты или нет, но тогда уже тебе придется сделать то, что тебе не по силам. Даже ученикам путь за Иисусом не всегда был по силам (мы знаем соблазны учеников — это было, и это ничему не помешало). У доктора Гааза есть замечательный пассаж, написанный в 1811 году в книжке, которая была посвящена кавказским минеральным водам (он изучал свойства кавказских минеральных вод). Смотрите, какой богословский пассаж он написал: «Признавать зависимость человека от обстоятельств не значит отрицать в нем способность правильно судить о вещах сообразно их существу или считать за ничто вообще волю человека. Эта зависимость требует снисходительного отношения к человеческим заблуждениям и слабостям». Далее он пишет о том, что это не говорит хорошо о человеческой природе, но надо понимать, что человеческая природа такова; надо понимать, что у человека есть слабости, и соответственно вести себя по отношению к нему. То, что у него есть слабости, не лишает его действия закона любви. Любовь и сострадание должны быть несмотря ни на что.

На пути ко Христу есть еще одно существенное препятствие: как только мы говорим, что главная заповедь — заповедь любви, то, по-моему, почти каждый из нас впадает в фрустрацию, либо находит очень легкое утешение, поставив простой, но очевидный вопрос: как можно полюбить по своей воле? Ведь заповедать можно только то, что человек может сделать по своей воле. Нельзя мне заповедать вырасти еще на полметра. Господь от меня этого и не требует, слава Богу, — этого я не могу. А как же можно по собственной воле любить другого? Объясните мне, пожалуйста. Вот мне некий человек неприятен, он мне досадил, он сделал мне какие-то нехорошие вещи, и я ожидаю от него чего-то подобного. Ну, я могу его простить, сказав себе: «Ну ладно уж, я не буду к нему иметь претензий», — такое возможно. А вот как его полюбить? Что это значит? Это же чувство! Я не могу по своему желанию испытывать жажду или ощущение, что я ее утолил. Казалось бы, невозможная заповедь, особенно, когда от меня требуется: «люби врагов своих». Казалось бы, нереалистично. Неправда, это совершенно реалистично, только надо понимать, что такое любовь: что это не эмоция, а добродетель. В данном случае я цитирую слышанное на проповеди православного священника о. Дмитрия Смирнова. Он говорил так: «Вот я вас прошу, запишите на бумажке, повесьте у себя дома и читайте каждый день по нескольку раз: любовь — не эмоция, а добродетель». Это глубоко верные слова, это правильные слова, но тут можно дальше кое-что пояснить.

У Людвиг Франкла в книжке о смысле жизни есть замечательные слова о том, что такое любовь. Он говорит: «Любовь — это стремление и способность понять другого». Заметьте, способность понять другого нам дана, как дары нашего разума. Итак, в разуме есть необходимые предпосылки. Достаточно быть только внимательным к другому. Включить наше внимание — это в наших силах. Это значит не быть сконцентрированным на себе, но уметь смотреть на других. Этому учат актеров. Станиславский учил актерскому общению: чтобы актер не был замкнут на себе, а смотрел на партнера, понимал, что партнер сейчас чувствует. Это простая техника: смотреть на другого и понимать, что он сейчас думает. Способность понять другого — это просто способность быть внимательным, способность сосредоточиться. Стремление понять другого — это почти то же самое, но рассмотренное с другой стороны: это готовность «включиться» на другого, включить какие-то свои «валентности», способности понимать, что, собственно говоря, человеку сейчас нужно от меня, не делаю ли я чего-то, что ему крайне неприятно, неудобно. И вот эти-то вещи в наших силах. Т.е. заповедь любви в действительности оказывается не невозможной, а наоборот,

практически необходимой, потому что если мы невнимательны к другому и не стремимся понять человека, с которым имеем дело, мы же ничего не сумеем в жизни сделать. Это практически полезная заповедь для того, чтобы решать какие-то совместные дела, для того, чтобы жить в этом сложном мире, где люди разные, где люди ориентируются на разные ценности. Ее исполнение помогает разобраться, в чем часто состоит конфликт: мы по-разному понимаем, что такое хорошо.

Я люблю на лекциях по этике приводить один пример. По-моему, у Геродота описано, какие разные люди персы и греки. Персы тела умерших родителей выставляют на скалу или на дерево, чтобы их склевали птицы. Для грека, элина, оставить тело отца или близкого человека на съедение диким зверям — это самое худшее, что можно сделать. Тело нужно сжечь. Но для перса сжечь мертвое тело — это ужасно, это надругательство над ним. Казалось бы, нельзя понять друг друга, и действительно, если понимать так буквально, то греки и персы должны смотреть друг на друга как на чужаков или, вообще, сумасшедших — как на людей, которые живут неправильно. Но ведь на самом деле под этими обычаями кроется общий смысл: умерший человек должен быть похоронен, смерть должна быть отмечена, смерть — это событие, может быть, важнейшее в жизни человека, наряду с его рождением. В осознании этого кроется нечто именно человеческое. Звери не хоронят тела своих собратьев, это человеческая особенность. И вот она-то и оказывается общностью, и надо только присмотреться, чтобы понять, что эта общность есть, но проявляется она различно, так, что люди кажутся чужеродными друг другу.

У нас сейчас общество разделенное, потому что в нем люди разных слоев, разных культур, религий живут бок о бок. Когда люди делились так: вот деревня таких-то, вот — таких-то, — они общались как бы в монолитной культуре, в монокультуре. Но сейчас этого нет, общество устроено не так, и каждый раз оказывается, что люди другой культуры ведут себя «не так», т.е. не так, как хорошо по нашим правилам. И требуется некоторое внимание к ним, любовь к ним, чтобы понять, что под этим «не так» кроется глубинное «так». Из того, что я сказал, следует, что решать конфликты в сложном обществе можно только на основе любви. Это единственный практический способ. Не на основе терпимости, потому что терпимость может быть безразличием. «Ну не все ли мне равно, как действуют вот эти дураки, которых я вообще и за людей-то не считаю? Что с того, что они ведут себя как-то не так? Плевать мне на это!» — вот к чему очень часто сводится позиция терпимого человека. Позиция христианина совсем другая, ее можно выразить как: «я должен понять, что делает другой и почему». Даже позиция ненасилия не охватывает всех сложностей жизни, но это уже тема Ильина, и я не буду ее затрагивать. У него есть очень важная работа о сопротивлении злу силою, где этот вопрос очень интересно разобран, но он потребовал бы отдельного выступления.

Отсюда видно, что заповедь любви — это не просто идеальная заповедь, мол, вот любите друг друга — и вы будете духовно выше, чище и сами станете такими возвышенными, прекрасными, что крылышки сразу вырастут. Заповедь любви в нашей обычной действительности — это заповедь практического поведения. Я прошу прощения, что я как бы немножко снижаю христианство, я пытаюсь перевести это в практический план, и я думаю, что так очень стоит читать Евангелие: видеть там практические рецепты (причем практические рецепты там никогда не даются в виде формул на все случаи жизни). Формулу можно дать только очень предельную, максималистичную, поэтому Нагорная проповедь такая максималистская. Наше поведение в конкретной ситуации должно быть подчинено этому максималистскому принципу, но учитывать реальные, конкретные обстоятельства. И здесь, может быть, не надо залетать слишком высоко и пытаться делать вещи непосильные, поднимать камень, который мы просто сейчас не можем поднять. От этого только хуже бывает. Мне кажется, такой способ очень хорош, но надо только не забывать при этом одну вещь: что

моральное практическое поведение возможно только при абсолютизме оценок, при понимании того, что наши оценки основаны не на человеческих правилах, не на человеческом опыте, а на существовании Бога как Абсолюта. Поэтому абсолютизм оценок нельзя никак ослабить. Нельзя никак уменьшить ригоризм требований к себе. Но дальше в практической жизни надо не себя возвышать, а реализовывать в действиях то, что заповедано, и так, чтобы эти действия для других выглядели бы не соблазном, но побуждением к следованию тем же заповедям. А для этого полезно еще и еще раз обращаться к евангельским эпизодам как ориентирам практического поведения.

Данная публикация охраняется Законом РФ «Об авторских и смежных правах»
(в ред. Федерального закона от 19.07.95 № 110-ФЗ).

При использовании и цитировании текста ссылка на BIBLE-CENTER.RU обязательна.

При использовании и цитировании в интернете гиперссылка на www.bible-center.ru обязательна.